

ИМЯ ПЕТРОВО. ПОДЛИННОЕ ИМЯ АПОСТОЛА ПЕТРА И ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ТЕКСТОВ НОВОГО ЗАВЕТА

Олег Чекрыгин

В статье анализируются причины редкого (шесть раз на весь Новый завет) употребления имени «Кифа» (арам. «скала»), данного, согласно Евангелию от Иоанна, Симону, брату Андрея Первозванного, самим Иисусом. Поскольку слово «кифа» является просто греческой транскрипцией арамейского слова קָפָא, означающего скалу, употребление этого имени в отношении Петра становится признаком источниковой первичности и критерием достоверности древних текстов. Используя этот критерий, автор выдвигает гипотезу о неаутентичности текстов, в которых это имя не употребляется. Таковыми являются все, кроме Павловых, апостольские послания, три синоптических евангелия, а также книга деяний апостолов. Проведенный анализ посланий Павла, в которых употребляется имя «Кифа», позволяет сделать вывод о недостоверности упомянутых Павлом в Послании к галатам фактов: двух посещений Иерусалима и его личного знакомства с Петром. Упоминание в Евангелии от Иоанна имени Кифа, во-первых, указывает на то, что оно является наиболее древним из канонических евангелий, во-вторых, подтверждает достоверность личного свидетельства Иоанна Богослова и его авторское участие в составлении евангелия, в-третьих, выдвигает это евангелие на первое место по достоверности, придавая ему роль и значение подлинно исторического памятника. Делается вывод, что в ранний период истории христианства сложилось четыре конкурирующих версии этой религии: иудеохристианство, павлианство, религия апостолов-галилеев и мандейско-назарейская религия, восходящая к учению Иоанна Крестителя.

Ключевые слова: Иоанн Богослов, Симон Петр, Кифа, Маркион, Евангелие от Иоанна, мандеи, христианский гностицизм.

Славянско-Балтийская независимая семинария св. Креста, Латвия

The article provides an analysis of the reasons for the rare (only six times in the entire New Testament) usage of the name "Cephas" (translated from the Aramaic "rock"), given, according to the mention in the first chapter of the Gospel of John, to Simon, the brother of Andrew the First-Called, by Jesus himself at the first meeting with him. Since the word "cephas" is simply a Greek transcription of the Aramaic word קָפָא, meaning rock, the use of this name in relation to Peter becomes a sign of source primacy and a criterion for the authenticity of the ancient texts. By means of this criterion the author hypothesises that the texts in which this name is not used are inauthentic. These are all, except Paul's, apostolic epistles, three synoptic gospels, as well as the Book of Acts of the Apostles. The analysis of Paul's epistles where the name "Cephas" is used leads the author of the article to the conclusion that the facts mentioned by Paul in his epistle to the Galatians, namely his two visits to Jerusalem and his personal acquaintance with Peter, are not plausible. The mention of the name Cephas in the Gospel of John, firstly, indicates that it is the most ancient of the canonical Gospels, secondly, this confirms the veracity of the personal testimony of John the Evangelist and his author's participation in the composition of the Gospel, and thirdly, it proves that this gospel is the most authentic and should therefore be regarded as a true historical source. The author of the article comes to the conclusion that there were at least four competing versions of Christianity in the early period of the history of this religion: Judeo-Christianity, Paulianity, religion of the Apostles Galileans, and the Mandaean Nazarene religion based on the teaching of John the Baptist.

Keywords: John the Evangelist, Simon Peter, Cephas, Marcion, Gospel of John, Mandaean, Christian gnosticism.

Господь и апостолы говорили на арамейском языке, будучи галилейскими простолюдинами. Иисус, впервые увидев Симона, сразу же нарекает его новым именем – каким? Узнаем из самой первой главы Евангелия от Иоанна: «<Андрей, брат Симона> привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)» (Ин.1:42). Кифа на греческом языке – Κηφᾶς, но в греческом языке нет такого осмысленного слова, это просто греческая транскрипция арамейского слова כֶּפֶן, означающего *скала*, а вовсе не Петр-Камень (*греч.* Πέτρος), как указано в тексте евангелия. Все становится на свои места: камень можно передвинуть, переместить и даже забросить куда-нибудь, например в море или в болото, но скалу с места не сдвинешь. И потому скала – а не камень – веры. Имя это Симону дал не кто-нибудь, а сам Господь при первом знакомстве. И настоящий Кифа берег бы это новое имя, данное ему Иисусом, как зеницу ока, и никогда бы не променял его ни на какие греческие переводы – отзывался бы только на Кифу и никак иначе.

Вот, вроде, – мелочь. Но последствия ее неожиданно огромны.

В священном писании Нового Завета осталось всего шесть упоминаний этого имени-прозвища «Кифа», которое Петру дал Господь. О первом мы уже упомянули, и в нем есть странность: зачем евангелисту понадобилось изъяснять значение арамейского слова «кифа» перековерканным, неправильным переводом с греческого κηφᾶς (скала) на греческий πέτρος (камень)? О чем это говорит? Да лишь о том, что к тому времени, когда писалось Евангелие от Иоанна, уже распространилась и прижилась в устном предании версия Симонова прозвища «Петр», и евангелисту понадобилось объяснить, кто же этот неизвестный миру Кифа, которого наименовал Сам Иисус; оказывается, что теперь уже все называют его Петром, он известен христианству времен написания Евангелия от Иоанна как Петр, но не как Кифа.

О чем это говорит нам? А о том, что первохристиане в иерусалимской и других иудейских общинах лично Петра не знали и в глаза его не видели *никогда*, но лишь слышали, что был такой ученик Господа, Симон, о котором есть слух, что сам Господь назвал его камнем, на котором он возведет здание своей церкви. Потом этот Камень куда-то делся, а слух о нем остался в связи с речением Господа о созидании его церкви.

И куда же делся этот Симон? Если собрать воедино отрывочные сведения из евангелий, то получается, что после смерти и воскресения Господа Петр вместе с другими галилеянами вернулся домой, в Галилею, к своей семье и ремеслу рыболова.

Впрочем, продолжение истории Петра мы находим в Деяниях апостолов, в которых – вдруг – и сам Петр, и с ним двенадцать учеников Христа оказываются никуда не уходившими из Сионской горницы, нанятой на одну пасхальную ночь у постороннего человека, в которой помещалось и постоянно пребывало больше ста человек, не считая женщин и детей (Деян. 1:13–16). Они там пятьдесят дней сидят взаперти «страха ради иудейского», а потом сподобляются Святого Духа в виде огненных языков, сошедших на одних только двенадцать человек, начинают проповедовать на внезапно чудом освоенных многих языках и дальше –

больше: совершают еще много чего с ужасными знаменами и чудесами, вплоть до апостольского собора, после которого Петр из Деяний начисто пропадает, как будто его там и не бывало вовсе, – в общем, сказка. Сегодня уже специалистами-историками точно установлено (если вообще можно хоть что-нибудь установить точно), что Евангелие от Луки, которое в Новом Завете предваряет Деяния апостолов, авторства того же Луки, написано во второй половине второго века и является расширенной версией Евангелия Господня Маркиона, датированного 140 г. [5]. А Деяния писались еще позднее, видимо, в самом конце второго века и уже по одному этому факту не могут считаться достоверным историческим свидетельством, но являются источником, безусловно, вторичным и мало-достоверным.

Каковы же источники, которыми пользовались авторы Деяний при написании этого текста? Таких источников сегодня находим два: Послания ап. Павла, на которых основаны многие события, описанные в Деяниях, претендующие на историческую достоверность, и собственная фантазия авторов, изобретшая и расцветившая фантастическими чудесами деяния апостолов в Иерусалиме, где никто из них не бывал после смерти Спасителя¹.

На самом деле существует лишь один достоверный источник, безусловно относящийся к середине первого века, – десять автографов Посланий Павла, которые все тот же злополучный Маркион привез с собой из Понта в римскую общину в 140 г. И это точно известно, потому что об этом факте кто только ни писал из отцов-ересиологов за последующие три столетия осуждения Маркиона. Так что все, что есть достоверного в Деяниях, имеется там благодаря Маркиону. Столь же большое значение имеет и его Евангелие Господне, переписанное синоптиками и окончательно восстановленное уже в наше время [4]: без него Новый Завет в его сегодняшнем виде вообще не существовал бы. Да и сами Послания ап. Павла без него остались бы нам неизвестны, поскольку Маркион привез в Рим именно автографы, т.е. подлинники Павловых посланий.

Теперь вернемся к Симону и заметим, что если строго следить за хронологией событий, то от момента неудачной рыбалки на озере и последовавшей за ней встречи с Иисусом, велевшим Петру «пасти овцы» (Ин. 21), и до упоминания в Павловых посланиях о судьбе Петра ничего неизвестно. Известно только, что церковь Иисуса, имея в виду главную и самую многочисленную иерусалимскую общину, возглавил не Петр, а кто-то другой, до того никому не известный «брат Господень» Иаков Праведный, о котором с большим уважением (в отличие от самого Иисуса) отзывался историк Иосиф Флавий [7, с. 426] как о знаменитом иерусалимском фарисее, и эту версию подтверждает и развивает в своей «Церковной истории» Евсевий Памфил Кесарийский [6, с. 100–104]. Как

---

¹ Согласно главе 21 Евангелия от Иоанна, после смерти Иисуса апостолы-галилеяне бежали обратно в Галилею из Иерусалима и более в город, «побивающий камнями пророков», в котором погиб сам Иисус, вернуться просто не посмели бы, будучи простолюдинами из «Галилеи языческой», к которым в Иудее было заранее предвзятое негативное отношение, как к «неприкасаемым».

же так – пророчество Иисуса о Симоне-Камне, домостроителе церкви Иисуса, не сбылось?

Что же мы узнаем о Симоне из Павловых посланий?

Немного.

Павел упоминает о нем всего в двух посланиях: в первом послании к коринфянам (как о Кифе) и в послании к галатам (называя его то Петром, то Кифой – вперемешку); всего десять упоминаний на оба послания. Рассмотрим их.

Первое послание к коринфянам:

1. «Я разумею то, что у вас говорят: “я Павлов”; “я Аполлосов”; “я Кифин”; “а я Христов”. Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1Кор. 1:12–13);

2. «Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше» (1Кор. 3:22);

3. «Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?» (1Кор. 9:5);

4. «...и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати» (1Кор. 5:4–5).

Послание к галатам:

1. «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу [Очень странная оговорка, разве его кто-то во лжи подозревал? – О.Ч.]» (Гал. 1:18–20).

2. «Напротив того, увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных [ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников], и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным» (Гал. 2:7–9) (Кто такие эти Петр и Кифа? Кифа подал руку Павлу, узнав, что Петр успешен у обрезанных? Это какой же Петр – неграмотный рыбак из Галилеи языческой? А Кифа – это он же, узнавший неожиданно-негаданно про свои успехи?)

3. «Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию» (Гал. 2:11).

4. «Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал. 2:14) (То есть, Петр-галилеянин, брат Андрея, ученика Иоанна Крестителя – иудей?)

А теперь напомним, о чем идет речь в обоих этих посланиях: о единстве церкви! Это единство, опасается Павел, находится под угрозой раскола, и он начинает на чем свет бранить раскольников и грозить им не менее, чем *анафемой!*

Сперва в Первом послании к коринфянам, «главной темой которого можно считать единство Церкви... речь идет о разногласиях в коринфской общине, которые, возможно, возникли после проповеди миссионеров, пришедших в этот город вслед за Павлом. В результате их деятельности об-

щина разделилась на фракции: люди называли себя “Павловы”, “Аполло-совы”, “Кифины”» [9, с. 519]. И Павел страшно обеспокоен потерей контроля над частью его новобранцев, рекрутированных им в его Коринфскую церковь. Что могли сообщить новые проповедники такого, что оттолкнуло бы массу народа от Павла и его проповеди и привело к расколу? Видимо, они проповедовали нечто совершенно другое, чем Павел, – и Павел в ответ то грозит им, то уговаривает своих «чад», а то и начинает заочно брататься со своими идеологическими оппонентами, уверяя коринфян, что проповедуют они с Павлом одно и то же. Однако Павел не знает сути чужой проповеди и только продолжает повторять свое учение про единство иудейской и христианской вер в еврейского библейского Бога, которого Павел объявляет творцом вселенной и прочит в отцы Иисусу. А Иисуса упорно называет Христом-Машиахом, настаивая на одном лишь мессианском отличии своего учения от иудейской религии Закона: Бог – все тот же самый, библейский, но теперь он избрал верующих в Иисуса вместо убивших его бывших богоизбранных. И это новшество он объявляет преподанным ему самим Иисусом в личном откровении. Зачем он опять и опять все это настойчиво втолковывает непонятливым коринфянам? Делает он это, видимо, затем, что проповедь Кифы, содержащая подлинное учение Иисуса, разошлась с иудейским мессианством Павла, и Павел занервничал.

Из этого краткого экскурса понятно, что Павел с Кифой лично не знаком, не встречался с ним, потому что сути взглядов и проповеди Петра не знает, но слышал о нем как о подлинном ученике и спутнике Иисуса («и что явился Кифе, потом двенадцати»). Теперь же узнал о нем вновь из тревожных сообщений его информаторов в Коринфе, которые донесли, что Кифа в сопровождении какого-то Аполлоса и еще других апостолов без именного перечисления явился в его вотчину и произвел в ней смуту своей проповедью. Суть этой проповеди оставим пока в стороне, нас интересует личность Кифы и знакомство Павла с ним. Я лично думаю, что Петр и другие апостолы обходили те же страны, что и Павел, с проповедью *другого* учения, чем Павлово иудеомессианство, и время от времени эти учения сталкивались друг с другом, производя смуту и разделения в среде обращенных к вере в *разного* Иисуса. Но, повторю, в Первом послании к коринфянам Павел не знает о сути проповеди Кифы и Аполлоса, иначе он обязательно указал бы на их неправоту и разразился бы в их адрес, по своему обыкновению, обличениями, бранью и угрозами, как он это делает в Послании к галатам.

В этом послании картина совершенно другая. Павел в первой главе злобно ярится на тех, кто посмел зайти на территорию его проповеди язычникам. Но Кифу уже называет преимущественно Петром и хвалится личным с ним знакомством – почему вдруг? Как это следует из начала первой главы и продолжения во второй главе, проповедовать язычникам, обращенным Павлом в христианство, вдруг затеяли иудеохристиане, с которыми Павел в начале второй главы вроде бы договорился о разделе сфер влияния: «...подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным» (Гал. 2:9). То есть, вроде бы, договорились, что иудеохристиане во главе с Иаковом и прибавленными сюда для авторитетности договора *Кифой* (указание на близкое личное знакомство) и Иоанном (пред-

положительно Богословом), которых Павел столь высоко характеризует «столпами» и «особо знаменитейшими», проповедают исключительно обрезанным евреям, живущим в языческих странах, а язычники, уже обращенные Павлом, – его личная исключительная аудитория. И вдруг Павел обнаруживает и в галатийских странах, и в Антиохии иудеохристианских миссионеров, которые проповедают бывшим язычникам необходимость обрезания и соблюдения Закона. За что Павел – ни много, ни мало – предает их, вроде бы своих братьев и по родовому еврейству, и по иудейству, и по вере в Иисуса Христа-Машиаха – *анафеме!*

Чтобы разобраться в этой истории, обратимся опять к эпизоду первого посещения Иерусалима Павлом через три года после его обращения: «...ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать» (Гал. 1:18). Что значит «видеться»? Так говорят о давнем знакомце. Павел хочет сказать, что они чуть ли не давние друзья, – с кем? С Петром. Но он же вроде бы Кифа? Но это говорится в первую очередь для иерусалимских иудеохристиан, живую никогда Петра *не видевших*. Почему не видевших? Да потому, что Петр, согласно Евангелию от Иоанна, сразу после распятия Христа удалился в Галилею вместе с другими галилеянами, вернулся к семье и профессии рыбака и, ясное дело, ни в какой враждебный Иерусалим, где убили Господа, никогда больше не возвращался. Марк тоже вскользь упоминает об этом: «Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» (Мк. 16:7).

Но в какой-то момент парадигма внезапно изменилась: вдруг выясняется, что в тот же день воскресший Христос явился Марии, двум ученикам на дороге в Эммаус, затем поздно вечером одиннадцати апостолам, поругал их «за неверие», велел идти проповедовать «всему миру», пообещал содействие чудесами и тут же вознесся. А где же тогда реченная Галилея? Говорят, что Евангелие от Марка было первым, но из этой сумятицы видно, что было-то оно последним и в нем Марк пытался примирить двадцать первую главу Евангелия от Иоанна с тем, что написано в Евангелиях от Луки и Матфея, авторы которых жили во второй половине второго века и нафантазировали о воскресении и последовавших за ним событиях. А иерусалимские христиане откуда вообще узнали о Симоне? В основном, видимо, по слухам от тех немногих, кто видел и слышал Иисуса в последнюю неделю его жизни в Иерусалиме. Но поскольку греческий язык уже проник в Иудею как официальный язык империи и вся ойкумена говорила на нем, постепенно неверный перевод «кифос» в «петрос» сделал свое дело: иерусалимская община, обновившись новообращенными из иудеев, отличавшихся грамотностью, уже знала Кифу как Петра в буквальном переводе его прозвища с арамейского на греческий к тому времени, когда Павел надумал вернуться в Иерусалим.

В этой поездке его ожидало огромное разочарование.

Интересно, зачем бывшему знатному и богатому (имевшему купленное за огромные деньги римское гражданство) фарисею и книжнику Шаулю вдруг останавливаться и жить две недели у безвестного рыбака из Галилеи, вместо того чтобы жить в собственном доме, который у него, безусловно, был? Что мог Симон, бедный рыбак из Галилеи, за три-четыре года приобрести в Иерусалиме из недвижимости: лачугу, хлев?

Может, он взял деньги или готовый дом из тех, что, по версии Деяний, «приносили к его ногам» обратившиеся из иудеев для раздачи нуждающимся в общине «первохристианского коммунизма» (Деян. 4:34–35)? Нет, присвоить себе лично принадлежавшее всей общине он не мог. А ведь у него и семья на шее, или он ее бросил в Галилее голодать, а сам явился в Иерусалим возглавлять церковь? Да, ждали его там – особенно Малх, которому он ухо отрубил в Гефсимании.

Где же Павел гостил две недели? В семейном доме Петра, в лачуге, где и без него полно народу? И завершает этот пассаж Павел весьма странно: «Не лгу!» – с чего бы это? С того, что именно лжет и подстраховывается на случай, если кто его уличит во лжи – на воре шапка горит.

Заодно Павел упоминает Иакова, брата Господня, опять-таки очень странным образом: «...никого из апостолов не видел, *кроме...*» – и с каких это пор этот «брат» уже и апостол?

Что вообще известно об этом «брате»? О нем упоминает Иосиф Флавий в двадцатой книге «Иудейских древностей» незадолго до Первой иудейской войны 66–70 гг. как о предводителе Иерусалимских христиан: «Анан – таким уж он был человеком – счел время для себя удобным: Фест умер, Альбин еще в пути, созвал синедрион, представил ему брата Иисуса, называемого Христом, именем Иакова, и еще некоторых обвиняемых им в нарушении закона; постановлено было побить их камнями. Из горожан люди, более умеренные и лучше осведомленные в Законе, тяжело переживали этот приговор и тайно отправили к императору послов, прося запретить Анану подобные действия... Альбин, убежденный их словами, написал Анану гневное письмо, грозя ему темницей; царь же Агриппа лишил его первосвященнического сана» [7, с. 426]. То есть, иудеи заступаются за христианского епископа, главу иерусалимской церкви, и дело доходит до смещения первосвященника, учинившего его убийство?

Об Иакове более подробно рассказывает римский церковный историк Егессипп (когда Флавий, бывший живым свидетелем Первой иудейской войны умер в 101 г., Егессипп как раз только что родился). Евсевий в своей «Истории церкви» приводит его рассказ об Иакове: «О том, что касается Иакова, точнее образом рассказывает Егезипп, принадлежавший к первому послепостольскому поколению; в 6-й книге своих “Записок” он говорит так: (4) “Брат Господень Иаков получил управление Церковью вместе с апостолами. Все – от времен Господа и донине – называют его ‘Праведным’: имя Иакова носили ведь многие. Он был свят от чрева матери; (5) не пил ни вина, ни пива, не вкушал мясной пищи; бритва не касалась его головы, он не умащался елеем и не ходил в баню. (6) Ему одному было дозволено входить во Святая святых; одежду носил он не шерстяную, а льняную...”» [6, с. 100–101].

Задумаемся над этим парадоксом: брат Господень, сын галилейского плотника, даже если допустить, что его отец и вправду иудей из рода Давида, что в Галилее того времени выглядит совершенно фантастично, свободно входит во святая святых, куда первосвященник входил всего раз в год «не без крови». И при этом он христианский епископ, управляющий всей иерусалимской церковью. Там еще много фантастических

подробностей, приводить которые не будем, но уже из изложенного Флавием вырисовывается прискорбная картина: некто из иерусалимских фарисеев выдал себя за брата Господня и на этом основании возглавил первохристианскую общину Иерусалима. Но как такое могло бы быть в присутствии апостолов, знавших всю семью Иисуса лично (при жизни братья Иисуса считали его помешанным и в грош его не ставили)? Ответ очевиден – никак. А значит, вывод ясен: это могло быть, только если ни апостолов-галилеян, ни Петра, самим Иисусом назначенного главой его церкви, в Иерусалиме после смерти Иисуса не было.

То есть, как я уже указал выше, апостолы, по всей видимости, после смерти своего учителя бежали в Галилею и оттуда начали свою проповедь языческим народам, которая порой, к примеру в Коринфе, сталкивалась с проповедью Павла, проповедовавшего язычникам все тот же иудаизм, но в облегченной версии, без обрезания, кашрута и соблюдения Закона, что в Коринфе привело к расколу, поскольку апостолы проповедовали *другого* Иисуса, чем Павел, его не знавший и не слышавший. А в Иерусалиме фарисейский ставленник, самозванец, воспользовавшись отсутствием апостолов, захватил власть в первой церкви на том основании, что он «брат Господень», и поворотил нарождавшееся христианство обратно в жесткий иудаизм с верой в языческого Бога-Яхве, родового бога евреев, с обрезанием и полномасштабным соблюдением Закона, в результате чего первохристиане превратились в одну из обычных мессианских сект иудаизма, которых и сегодня полно по всему миру.

Если не можешь победить – возглавь.

Павел участвовал в первых погромах и гонениях христиан иудеями, которые рассматривали христиан как врагов их иудейской веры в библейского Бога, – такова была картина раннехристианской истории в самом ее начале, сразу после воскресения. И Павла после его крещения не принимали в его родном Иерусалиме ни первохристиане, знавшие его гонителем и убийцей, ни иудеи, прознавшие о его измене в Дамаске, – никто руки ему не подал. Это и вынудило его удалиться в Сирию для проповеди язычникам своей версии иудеохристианства, адаптированной им для язычников, не ведавших иудейского Закона, без соблюдения его велений, что для иудеев, конечно, было немислимо.

Но когда Павел вернулся в Иерусалим после трех лет странствий, христианская парадигма в первой церкви изменилась коренным образом: иудейский агент Иаков, почитаемый фарисейским праведником, возглавлял церковь, которая стала частью иудаизма. В результате ее более не гнали, но дали ей законное место в храме и должное уважение в иудейской среде, а ее членов признали своими, пусть уверовавшими в мессианство Иисуса, но продолжавшими придерживаться иудейской веры и соблюдавшими Закон.

И бедный Павел опять пришлось пришлось не ко двору. Он, конечно, не знал во время путешествия о происшедших переменах и все еще считал, что христиан возглавляет Кифа, но Кифы почему-то в Иерусалиме не оказалось, как и других апостолов, о которых ему приходилось слышать. А «рулил» теперь какой-то «брат Господень». Две недели прошли в тщетных попытках поговорить хоть с кем-нибудь из христиан, и, наконец,

вероятно, через оставшихся среди иудеев старых знакомых ему удалось увидеться с Иаковом, которому он поспешил доложить о своих успехах в проповеди язычникам. Однако иудаизм не является прозелитической религией, стремящейся весь мир обратить в свою веру, а предназначен для одних только родовых евреев: только они одни являются богоизбранным народом. И язычников евреи за равных себе не признавали даже из обрезавшихся, поэтому всегда держались даже в других странах обособленными колониями. Так что Павел со своей проповедью язычникам пришелся в Иерусалиме не ко двору, потому-то об этой встрече с Иаковом он и упомянул мельком: никого из апостолов не видел (что правда, поскольку их там и не было), *кроме* брата Господня Иакова, который, судя по всему, отверг этого предателя иудаизма. Иудеохристианство отвергло Павла вместе с иудаизмом, а подлинной сути апостольской проповеди он не знал и не хотел знать, поэтому остался лишь со своей проповедью иудейского павлианства. И все бы о нем забыли, его собственная религия сгинула бы в пучинах времен, как и многое другое, не случись буквально вскоре иудейская война, которая положила конец первоначальному иудеохристианству вместе со всем иудаизмом в целом. Он был просто уничтожен вместе с иерусалимской церковью, не считая женщин и детей, отправившихся рабами в Рим.

А зачем же Павлу понадобилось упоминать в Послании к галатам Петра, да еще и называя его интимным именем Кифа, которое знали только близкие? Затем, чтобы с помощью его авторитета и намека на близкое знакомство с ним сделать легитимной «от апостолов» всю свою дальнейшую четырнадцатилетнюю деятельность, до его второго посещения Иерусалима, которого, полагаю, вообще не было. Почему? Дело в том, что как для иудеев, так и для иудеохристиан он был предателем, и получить прощение он мог только явившись как к иудеям, так и к иудеохристианам с раскаянием в своих заблуждениях. Но этого он сделать уже не мог, поскольку ему уже было что терять – собственную религию, павлианство. И он пошел на конфликт с иудеохристианством, положив начало самой кровавой и жуткой церковной традиции «борьбы с ересями», о которой Иисус предупреждал учеников: «настанут времена, когда убивающие вас будут думать, что этим служат Богу».

И потому в Послании к галатам сперва Павел обрушивается на посягнувших иудеохристиан с анафемой, потом рассказывает сказку про свое первое посещение Иерусалима и благословение на проповедь от «самого Кифы», потом рассказывает другую сказку про «собор», на котором «великие подали ему руку», а потом возмущается тем, что воображенные им договоренности нарушены как в Галатии, так и в Антиохии, куда явились иудеохристиане с проповедью соблюдения иудаизма, в то время как там Павел уже распространил свою, облегченную версию этой религии. Здесь Павел опять обращается к авторитету Петра, которого ошибочно считает иудеем, с тем чтобы показать, что он христианин даже больше, чем Петр, и апостол точно не меньше, чем он. Как мы помним, он так никогда и не был признан апостолом, но лишь «апостолом язычников» и «первоверховным» наряду с Петром, с которым в цитированных нами выдержках из Послания к галатам (Гал. 2:14), заочно унизив

его обвинением в иудейском лицемерии, он себя уравнил. Обвинил он его ровно в том, что сам о себе написал в другом месте: «С иудеями был как иудей...» (1Кор. 9:20–22).

Зачем же я так долго говорю о, казалось бы, столь малом? Да затем, чтобы показать, что употребление или не употребление имени Кифа как Павлом, так и другими приводит к огромным последствиям, обрушивая всю церковную парадигму в ее основании. А почему? Да потому, что все «исторические» предания о первохристианской церкви: и Деяния апостолов, и Послания, и труды мужей апостольских, и разоблачения «отцов-ересиологов» становятся весьма сомнительными источниками в свете всего шести упоминаний Петрова имени «Кифа» в Новом Завете.

Теперь вернемся в самое начало нашего исследования. Самое первое употребление имени Кифа, как уже было упомянуто, находим в евангелии Иоанна: «Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)» (Ин.1:42). О чем это говорит нам? Всего лишь о том, что это написано *свидетелем* (или записано кем-то с его слов, при его непосредственном участии). Этим опровергается, во-первых, общепринятая версия современной библеистики о малой достоверности евангелия Иоанна по причине его позднего происхождения (80–100-е гг.) по сравнению с синоптическими евангелиями (40–70-е гг.) и, как следствие, недостоверности авторства Иоанна Божьего слова, которое вместо него приписывается широкому кругу его учеников и последователей, обвиняемых в произвольном включении в его текст элементов чуждого ортодоксальному христианству еретического гностицистического учения. Столь малое свидетельство, как употребление арамейского прозвища Петра, которое было известно лишь ближайшим ученикам и непосредственным свидетелям наречения, бесспорно, доказывает факт подлинности этого евангелия как исторического свидетельства об Иисусе.

Подведем итоги. Из рассмотренных нами свидетельств вырисовывается такая картина бытования первохристианства первого века: в нем обнаруживается четыре независимых друг от друга течения, каждое из которых проповедовало свою веру и свою религию:

1. Иудеохристианская мессианская церковь во главе с иерусалимской общиной объявила Иисуса ожидаемым еврейским Машиахом, а его Отца Небесного – все тем же еврейским родовым Богом, библейским Яхве-Иеговой. Это сочетание является невиданным абсурдом: Машиах не может быть Богом, он человек из рода Давида, пророк, но не божественного происхождения. Сын Божий – это младший бог в языческих пантеонах, родившийся от богов; у Яхве времен Иисуса сформировалась репутация Бога монолатрии: где-то там существуют другие боги, но Яхве сам по себе, единственный и неповторимый, и никаких божественных родственников или других равных ему нет и быть не может.

2. Павел проповедовал и насаждал облегченную версию того же мессианского иудаизма, но без требований соблюдения Закона, что даже по меркам обычной логики странно: если Бог у христиан все тот же, иудейский, а сменился только его богоизбранный народ – с провинившихся иудеев на верующих в Иисуса-Машиаха, то и Закон, данный когда-то

евреям этим Богом, теперь вместо евреев должны выполнять христиане, иначе какие же они богоизбранники, если данный Иеговой Закон не выполняют?

3. Апостолы-галилеяне, бежавшие из Иерусалима, «убивающего пророков», предположительно, также разделились на два течения. Одно из них породило в конечном итоге Евангелие от Иоанна и, возможно, открытое в составе библиотеки Наг-Хаммади Евангелие от Фомы. Его поспешили окрестить гностическим апокрифом, но оно таковым не является, поскольку в нем нет никаких секретов «тайнознания»; на деле оно является древним «пятым» евангелием, о котором веками велись споры, включать ли его в Новый Завет или нет. Из двух подлинных евангелий – Евангелия от Иоанна и Евангелия от Фомы – становится вполне ясным то Благовестие Иисуса, которое было совершенно упущено и забыто мессианским иудаизмом первохристианства. Только эти два евангелия сумели сохранить и донести до нас те остатки учения Иисуса, которые мы теперь стараемся поднять из-под глыб иудеохристианского мессианства. Главное в благой вести Иисуса, отраженное в этих двух памятниках, – это полное опровержение иудаизма как языческого религиозного заблуждения, отказ Иегове в реальности его существования вне библейских сказаний о нем и противопоставление всему еврейскому языческому мифу учения о *другом* Боге, доселе неведомом Отце Небесном, которого первым открыл сын Божий Иисус и никто более. При этом никаких мессианских последствий из Иисусовой благой вести в виде конца света, воскрешения мертвецов и иудейских всемирных царств не предвидится.

4. Другой ветвью галилейской апостольской проповеди явилось, видимо, возвращение части учеников Иисуса к своей бывшей мандейской вере [2], которой они были привержены в ученичестве у Иоанна Крестителя¹, – именно эта мандейско-назорейская религия послужила основой проповеди христианского гностицизма с его фантастическими представлениями о множественности небес, Плероме, зонах и иерархии добрых и злых божеств, воюющих друг с другом. Эту версию гностического христианства не уставали веками опровергать отцы-ересиологи, смешав в одну кучу всю эту фантастику и подлинное учение Иисуса о другом Боге с тем, чтобы, опровергнув, предать забвению и поруганию в пользу иудео-мессианской версии победившей христианской ортодоксии. Сюда же этими злыми борцами со злом был приплетен и Маркион, за его сомнения в божественности Ветхого завета объявленный гностиком-двоебожником, проклятый и забытый, а ведь только ему христианство обязано появлением Нового Завета, Павловых посланий и первого евангелия, которое потом практически полностью вошло в Евангелие от Луки. Однако приписанное Маркиону гностико-языческое учение о войнах на небе между богами и их воинствами, а заодно и облегченную версию «маркионова» дуализма (не два бога борются друг с другом, но Бог со своим творением, падшим первоангелом), ортодоксальное христианство органично впитало

---

¹ Иоанн Креститель в мандейских священных книгах выступает как главный пророк мандейской веры, в отличие от Иисуса, объявленного мандеями лжепророком и предателем мандейства [4].

в себя в виде учения V в. о небесной иерархии под авторством легендарного Дионисия Ареопагита, почившего, если он вообще существовал где-либо, помимо сказочных Деяний, еще в I в.

Такая интересная картина предстала перед нами в результате анализа шести упоминаний в Новом Завете настоящего имени Петра – Кифа, которое является греческой транскрипцией арамейского слова «скала», а вовсе не означат «камень» (πέτρος), как это принято считать. Именно употребление в Евангелии от Иоанна Петрова имени Кифа позволяет сделать вывод о том, что это евангелие является, во-первых, наиболее древним из канонических вопреки общепринятой в мировой библеистике традиции считать его самым поздним и наименее заслуживающим доверия и, во-вторых, подтверждает достоверность личного свидетельства Иоанна Богослова как присутствовавшего при событии наречения Иисусом Симона именем Кифа, что, в свою очередь, подтверждает личное авторское участие ученика Иисуса в составлении Евангелия от Иоанна и выдвигает это евангелие в первый ряд в качестве наиболее ценного по достоверности источника, приобретающего на этом основании роль и значение *реального исторического свидетельства об Иисусе*.

Но этого мало. Есть и еще один поистине катастрофический итог нашего расследования имени «Петр».

Зададимся снова вопросом: а мог ли Петр сам отказаться от имени, данного ему самим Иисусом? Ответ очевиден: никогда бы он не мог сделать этого, ибо это означало бы отречься от себя и от него еще один раз. То есть сам Петр, безусловно, называл себя Кифой, и знавшие его лично называли его так и не посмели бы именовать его по-гречески «Петром-камнем», а он никогда не стал бы на это имя отзываться. Но тогда зададим вопрос: разве мог Петр называть себя Петром, а не Кифой в двух своих соборных посланиях, стоящих на первом месте посланий апостольских в Новом Завете? Оба они начинаются одинаково пафосно: «Петр, апостол Иисуса Христа...» – дальше можно не читать, сразу ясно, что не Петр писал их на литературном греческом и даже не предполагаемый Папием Гиерапольским его спутник и переводчик Марк (предположительно, не евангелист), который, сопутствуя Петру, просто не осмелился бы называть его греческим, исковерканным неправильным переводом именем Петр, но непременно называл бы его Кифой, в том числе и в записанных со слов Петра посланиях.

Далее: соборное послание Иакова, того самого праведного фарисея и книжника, уважаемого иерусалимского иудея, брата Господня, очевидно, было для последователей Иисуса по своему содержанию ничтожным. Про послание Иуды давно известно, что оно поддельное (как, впрочем, и только что упомянутое Иакова); что остается? Из трех посланий Иоанна Богослова только за первым можно признать его авторство, а два других приписать какому-то другому Иоанну, возможно, упомянутому Папием Иерапольским Иоанну-пресвитеру из Эфеса или кому-то еще. Однако в своем первом послании Иоанн столь упорно называет Иисуса Христом-Машиахом, что возникают большие подозрения в поддельности и этого памятника в пользу иудеохристианства, к которому Иоанн, очевидно, не принадлежал. На фальшивость Иоаннова «Откровения» еще в III в. ука-

зал Великий Дионисий Александрийский в книге «Об обетованиях против Непота». Что касается Деяний апостолов, то они сказочные во всем, что не позаимствовано из тех же Павловых посланий и творчески переработано. Наконец, самая важная часть Нового Завета – синоптические евангелия. Но в них Петр ни разу Кифой не называется, и это означает, что писали их авторы, лично Петра не знавшие, – какие же они в этом случае апостолы или хотя бы его спутники и переводчики, как о них отзывается тот же Папий?

И что же остается в сухом остатке от канона Нового Завета?

Всего лишь Евангелие от Иоанна, как наиболее достоверное свидетельство об Иисусе, и те десять автографов Павловых посланий, привезенных в Рим проклятым еретиком Маркионом и позже расширенных и углубленных в пользу иудеохристианства опять-таки неизвестными редакторами во II в. [1]: без него мы бы вообще ничего не знали о Павле и его проповеди павлианства – он, судя по всему, не был известен в римской церкви до Маркиона вообще. Лишь послание Павла – первое к коринфянам – единожды упоминается одним из мужей апостольских, Климентом Римским, в 95 г. в его тоже первом послании тоже к коринфянам [8, с. 148], и дальше – тишина до самого Маркиона (около 140 г.). Однако и тут вопрос: с чего бы римскому епископу писать письма в далекий Коринф, и что он мог знать о происходившем там, за несколько тысяч километров от Рима? Можно добавить, что второе послание Климента к коринфянам давно признано поздним псевдоэпиграфом. Может быть, таким же псевдоэпиграфом является и первое послание? Большие сомнения в принадлежности этого послания Клименту вызывают и отсутствие подписи, и вообще каких-либо упоминаний о нем как об авторе в самом послании, и появление первых упоминаний о нем не ранее середины II в., и поздний ответ на него коринфской церкви – лишь в 167 г. Этим достоверность указанного свидетельства об известности посланий Павла в римской церкви до Маркиона ставится под уверенное сомнение.

Литература

Исследования

1. Кушу П.-Л. Первое издание святого Павла / Пер.: А. Иванча, Д. Алексева. URL: http://kenoma.chat.ru/gnost/marcion_apostol.htm.
2. Мандей: история, литература, религия / Сост. Н.К. Герасимова. СПб.: Летний сад; Журнал «Нева», 2002.
3. Рычков А.Л. Гностическое христианство в истории европейской философии: от Маркиона до наших дней // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 2 (58). С. 182–190.
4. Klinghardt M. The Oldest Gospel. Quiet Waters Publications, 2018.
5. Vinzent M. Marcion and the Dating of the Synoptic Gospels. Belgium: Peeters, 2014.

Источники

6. Евсевий Кесарийский. Церковная история. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2013.

7. *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2: О древности иудейского народа (Против Апиона). М.: АСТ; Ладомир, 2002.
8. Климент Римский. Первое послание к Коринфянам // Памятники древней христианской письменности в русском переводе. В 7 т. Т. 2: Писания мужей апостольских / Пер. П. Преображенского. М.: Тип. Каткова и К^о, 1860. С. 101–159.
9. Павловы послания: комментированное издание / Ред.: А. Десницкий, М. Кулакова. М.: Гранат: Институт перевода Библии, 2017.

Chekrygin, Oleg. *The name of Peter. The real name of apostle Peter and the problem of authenticity of the texts of New Testament*

References

1. Couchoud, P.-L. *Pervoe izdanie svyatogo Pavla* [First Edition of the Apostle Paul], transl. into Russian by A. Ivanch, & D. Alekseev, URL: http://kenoma.chat.ru/gnost/marcion_apostol.htm (in Russian).
2. Gerasimova, N.K. (comp.) (2002), *Mandei: istoriya, literatura, religiya* [Mandaeans: History, Literature, Religion], Letniy sad, Zhurnal “Neva”, St. Petersburg (in Russian).
3. Rychkov, A.L. (2018), Gnostic Christianity in the history of European philosophy: from Marcion to the present day], *Solovyovskie issledovaniya*, no. 2 (58), pp. 182–190 (in Russian).
4. Klinghardt, M. (2018), *The Oldest Gospel*, Quiet Waters Publications.
5. Vinzent, M. (2014), *Marcion and the Dating of the Synoptic Gospels*, Peeters, Belgium.